

Се Жунцзяо не до конца понимал, почему его сердце внезапно встрепенулось, но в глубине души он ощущал предчувствие: возможно, всё прояснится после того, как он одержит победу на Собрании ароматов.

Улыбка заиграла в его глазах, и он обратился к Цзян Цзинсину:

— Не сомневайся, учитель, я не позволю твоим ставкам пропасть даром.

Когда-то жену Се Хуаня, хозяйку города Фэнлин, звали Чжу Янь.

В последние годы её имя постепенно исчезло из уст людей, и для молодого поколения оно стало незнакомым. Однако тридцать лет назад история о ней и Се Хуане была на слуху у всех, пересказываясь в бесчисленных вариациях на улицах и переулках.

Чжу Янь выделилась на Собрании ароматов тридцать лет назад.

По происхождению она была знатного рода, но, конечно, не могла сравниться с семьёй Се из Фэнлина или с домом Цзян, который занимал половину двора. Даже среди самых влиятельных семей она не выделялась.

Что касается таланта, её меридианы с рождения были заблокированы, и она не могла заниматься культивацией.

Но когда Чжу Янь появилась на сцене, все цветы потускнели, а ароматы утратили свою привлекательность.

Один из известных мастеров, увидев её, воскликнул:

— Кто осмелится хвалить свою красоту перед ней?

Кто осмелится хвалить свою красоту перед ней?

Чжу Янь оставалась титулованной первой красавицей Поднебесной на протяжении тридцати лет. И даже сегодня, когда она ушла в монахи, её имя должно было бы быть забыто потомками. Судя по возрасту, её красота уже увяла, и титул первой красавицы этапа небесного человека так и не был пересмотрен.

Пока она жива, титул первой красавицы Поднебесной больше не будет присуждаться.

Красота сочетается с властью, а красный цвет лица дополняет талант.

Таким образом, Чжу Янь и Се Хуань были идеальной парой.

Они, конечно же, познакомились, а затем, конечно же, полюбили друг друга.

Но когда ворота семьи Се украсились огнями, чтобы встретить первую красавицу Поднебесной, они, вероятно, не предполагали, что через двенадцать лет в резиденции правителя Фэнлина появится храм Сюйцзин.

«Всё прошлое — иллюзия, моё спокойствие — мой дом».

Поэтому Чжу Янь взяла себе даосское имя Сюйцзин.

Цзян Цзинсин вздохнул с сожалением:

— Вообще-то, я тоже когда-то участвовал в договорных матчах.

Се Жунцзяо:

— ???

Он заметил, что в последнее время всё меньше понимает, о чём Цзян Цзинсин думает целыми днями. Как он умудрился перевести разговор с того, как справиться с Цзян Чанланем, на свои прошлые договорные матчи?

После того как днём закончился последний поединок, они вернулись в свой двор. Сердце Се Жунцзяо было спокойно, он сосредоточился на тренировках с мечом, не проявляя ни малейшего беспокойства по поводу того, что его первым противником стал Цзян Чанлань, сложный соперник.

Но Цзян Цзинсин не давал ему покоя, непрерывно болтая, словно он сам участвовал в поединке и переживал гораздо сильнее.

Се Жунцзяо наконец не выдержал и прервал его, чтобы успокоить:

— Учитель, я думаю, что смогу победить, ведь у меня есть твой меч.

Во время Северной охоты Цзян Цзинсин дал ему меч, который был истинным проявлением силы Святого. Он до сих пор размышлял над этим мечом, но так и не полностью постиг его суть, что принесло ему немало пользы.

Слова попали в самую точку, и Цзян Цзинсин на мгновение потерял дар речи.

Неужели Ацы теперь так умело говорит?

Цзян Цзинсин наконец выдавил:

— Если не мой меч, то я даже могу выйти за тебя на поединок, если нужно.

Се Жунцзяо был шокирован, словно впервые видел Цзян Цзинсина.

Он смотрел на него с явным разочарованием, в его глазах читалось: «Не ожидал, что ты такой Святой».

Он тайно считал, что титул Святого, которым люди почитали этап Святого, не совсем подходил Цзян Цзинсину.

Чтобы разрядить обстановку, Цзян Цзинсин слегка кашлянул и объяснил:

— Вообще-то, однажды я участвовал в договорном матче, ну, не совсем договорном.

Как назло, человек, с которым он участвовал в этом матче, был тесно связан с Се Жунцзяо.

Им был Се Хуань.

Се Жунцзяо долго молчал, а затем медленно спросил:

— Ради денег?

Он верил, что тогдашний Цзян Цзинсин, доведённый до отчаяния, мог пойти на такой шаг.

— Разве я, Святой, не имею права на лицо? Даже если бы я дрался за деньги, я бы пошёл и наказал того, кто меня подставил. — Цзян Цзинсин говорил с серьёзным видом. — Этот матч был не ради денег, тогда у меня были средства.

Ну что ж, оказывается, Цзян Цзинсин в прошлом чуть не продал себя из-за того, что кто-то его подставил.

Се Жунцзяо записал это в свою записную книжку, намереваясь позже расспросить Цзян Цзинсина обо всех деталях. Возможно, у него будет шанс найти того, кто устроил эту ловушку, и поговорить с ним о жизни.

Незаметно для себя он начал живо интересоваться жизнью Цзян Цзинсина, в которой не участвовал. Слушая его рассказы, он словно проходил с ним тысячи миль, видел те же цветы и луну, а также пейзажи, которые могли быть как прекрасными, так и ужасными.

— Это было тридцать лет назад, во время того Собрания ароматов, в котором мы участвовали. Се Хуань влюбился в Чжу Янь с первого взгляда и был готов жениться на ней. Он никогда не отказывался от цветов и платков, которые ему бросали девушки, но когда дело касалось его самого, он терялся.

Наверное, это была карма.

Вспомнив, что Се Хуань был в списке важных персон, которых он должен был уважать, и что в его нынешнем положении он не имел права смеяться над ним, Цзян Цзинсин вовремя замолчал, проявив великодушие, и не стал насмехаться над тогдашним смущением Се Хуаня:

— Мне стало жалко его, и я подумал, что, учитывая нашу крепкую дружбу, я не могу оставить его одного в муках любви, поэтому предложил ему глупый совет.

Спустя тридцать лет этот совет действительно кажется глупым.

Се Жунцзяо уже мог понять всю предысторию:

— Учитель, твой совет отцу заключался в том, чтобы устроить с тобой договорной матч, позволить ему одержать победу и с достоинством сделать предложение матери?

В то время Цзян Цзинсин был на пике славы. С его редчайшим талантом и званием будущего Святого, зачем ему было нужно первое место на Собрании ароматов?

Он был слишком горд, чтобы радоваться победе на таком незначительном событии.

Поэтому Цзян Цзинсин предложил Се Хуаню, что в финальном поединке он уступит ему, позволив ему одержать победу и выразить свои чувства Чжу Янь. Она могла согласиться или нет, но в такой обстановке это было бы более серьёзно.

Цзян Цзинсин смущённо сказал:

— Но всё пошло не так, как планировалось. В процессе мы увлеклись, и я не смог сдержаться, а Се Хуань, конечно, тоже не хотел уступить, поэтому матч закончился вничью.

Се Жунцзяо долго молчал, а затем произнёс:

— Возможно, мать действительно любила отца.

Именно поэтому она терпела их глупость на сцене.

Это была одна из немногих чёрных страниц в жизни Цзян Цзинсина, наряду с его изгнанием. Каждый раз, вспоминая об этом, он испытывал неловкость и хотел ударить себя за то, что был таким глупым в молодости.

Но на этот раз, рассказывая об этом Се Жунцзяо, Цзян Цзинсин неожиданно принял тот факт, что в прошлом он действительно был глуп, и даже рассмеялся:

— Только позже я понял, что любовь к человеку не зависит от того, занял ли он первое или последнее место на Собрании ароматов. И как это справедливо по отношению к тем, кто серьёзно сражался?

В молодости они были самонадеянны, считали себя выше всех и думали, что могут управлять судьбами Девяти Областей. Как они могли обращать внимание на такое незначительное событие, как Собрание ароматов?

Много лет спустя Се Хуань, который когда-то сражался на равных с Цзян Цзинсином и был назван потенциальным Святым, так и не смог достичь этапа большой колесницы. Его история с Чжу Янь завершилась печально, когда она ушла в монахи.

Когда могущественный дом Цзян рухнул, самый гордый и блистательный юноша Хаоцзина упал на самое дно.

Они поняли, что судьбы миллионов людей в Девяти Областях не могут быть в их руках. Даже такое событие, как Собрание ароматов, которое заставляло сердца юношей гореть, они могли с лёгкостью решить, кто станет победителем.

Какая самонадеянность, какая глупость?

— Хотя в тот раз на Собрании ароматов мы сражались всерьёз, в душе я всегда чувствовал вину. — Цзян Цзинсин улыбнулся:

— Ты, Ацы, не похож на нас. Ты ко всему относишься серьёзно, не так, как мы в молодости, когда считали, что весь мир у наших ног. На этот раз я буду наблюдать за твоим поединком, чтобы искупить свою вину.

Се Жунцзяо улыбнулся, и его улыбка, обычно сдержанная, вдруг стала яркой, раскрывая его истинную красоту, скрытую за льдом:

— Я буду сражаться изо всех сил, учитель, и вернусь к тебе с победой.

В его сердце зародилась мысль, которая, словно семя, долго зрела в почве и наконец проросла, став непоколебимым деревом.

[Пусто]